

Ш. Ц. Цыдэнэ

Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в советской историографии (1920–1930-е гг.) *

© Ш. Ц. Цыдэнэ, 2021
DOI 10.25882/s2xa-c267

В статье рассматриваются работы советских историков в рамках первого периода советской историографии с 1920-х до середины 1930-х гг. по теме «Административная и хозяйственная деятельность органов самоуправления бурят». Цель статьи заключается в определении специфики формирования темы в рамках периода. Так, поставлены задачи: охарактеризовать источниковую базу исследований; определить роль темы в развитии исторической науки по истории Бурятии; показать специфику историографического периода. В результате анализа научных исследований замечено качественное продвижение в источниковедческой работе. Историки Бурятии ввели в научный оборот комплекс документов из фондов Степных дум, был определен курс на дальнейшую работу с документами на старой бурятской письменности и в целом наметилось направление на углубление знания о внутренних процессах у бурят, а также на пересмотр их взгляда на свое прошлое. Тема стала предметом специального изучения историков в контексте утверждения марксистской исторической концепции в истории Бурятии. Это обеспечило внимание ученых к структуре и деятельности органов самоуправления. Личный состав был оформлен в качестве господствующего класса — ноёнства, а деятельность, основанная на административных и хозяйственных компетенциях, — как эксплуататорская. Эти взгляды на органы местного самоуправления были сформированы в условиях свободы в толковании источников, отсутствия обобщающего и общепринятого взгляда на историю Бурятии, присутствия в научных кругах плюрализма мнений, которые обеспечили разнообразие исследований. К концу периода наметилась тенденция к обобщению взглядов на историю Бурятии вместе с отторжением мнений, противоречащих официальной науке.

Ключевые слова: самоуправление, ноёнство, социальное расслоение, феодальный строй, эксплуатация.

Цыдэнэ Ширан Цыденович — аспирант, младший научный сотрудник, Центр восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, Республика Бурятия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).
tsydens@outlook.com

Советский период в отечественной историографии содержит ценный опыт исследования истории административной и хозяйственной деятельности органов самоуправления бурят — учреждений, утвержденных «Уставом об управлении инородцев» 1822 г., который стал результатом законотворческой деятельности графа М. М. Сперанского.

В данной статье будут представлены специфические черты развития исторических исследований в первом периоде развития советской историографии с 1920-х до середины 1930-х гг.

Известный исследователь монгольского права В. А. Рязановский в 1921 г. опубликовал работу по обычному праву бурят. Автор подошел к исследованию как историк права. Так, в исторической справке он подчеркивает системообразующий характер устава 1822 г., производит его постатейный анализ для выявления структуры и порядка функционирования органов самоуправления [Рязановский, 1921. С. 9]. При этом он отметил, что устав упорядочил суд и землепользование [Там же. С. 12]. Обоснованием нормотворчества автор видел родовой быт, который, по мнению исследователя, сохранял свое влияние на протяжении всего столетия [Там же. С. 17]. Автор представил также структуру управления бурят, которая утвердилась благодаря инструкции графа

* Статья подготовлена в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии».

С. Л. Владиславича-Рагузинского [Рязановский, 1921. С. 38–43]. При рассмотрении внутренних процессов Рязановский опирался на труды М. Н. Хангалова. Помимо этого были использованы «Полный свод законов Российской империи» и материалы комиссии Куломзина. Однако главным источником все же являлся «Сборник обычного права», изданный в Варшаве в 1876 г. Д. Я. Самоквасовым.

Спустя три года, в 1924 г., проблему инкорпорации бурятского общества в состав Российского государства поставил Н. Н. Козьмин. Мысль о едином сословном статусе всего бурятского населения в глазах царского правительства, выдвинутая автором, станет важной базой для развития марксистской концепции классовой борьбы внутри бурятского общества и будет способствовать оценке социальной дифференциации «инородцев» [Козьмин, 1924. С. 24]. Эту позицию Козьмин будет отстаивать до своей кончины.

В 1925 г. в журнале «Бурятияведение» вышел очерк Б. Барадина об истории «оформления» бурят-монгольской народности. Он поставил задачу систематизировать результаты дореволюционных авторов и сделать их доступными широкому кругу читателей. Барадин первым вводит в научный оборот понятие «ноёнства» [Барадин, 1925. С. 48], вокруг которого сконцентрируются научные изыскания по концепции «борьбы классов» в Бурятии. По мнению автора, эту прослойку бурятского общества составили тайши (главы племен), зайсаны (родоначальники), засулы (родовые надзиратели), они организовали постоянные административные аппараты, это мирские избы и конторы. Таким образом, Барадин определил время возникновения и утверждения органов самоуправления как период порабощения, начала колонизации и административной опеки (1689–1822) еще при родовом строе. Далее автор охарактеризовал устав от 1822 г. как закон, имеющий «либерально-покровительственную тенденцию», предоставляющий бурятскому народу некоторую свободу самоуправления, и тем не менее результатом его введения Барадин считал укрепление «ноёнства» и «ламства» [Там же].

В том же, 1925 г. В. П. Гирченко вводит в научный оборот ряд материалов из фондов Кудинского и Верхоленского родовых управлений и Кудинской Степной думы, которые были сформированы в Центральном архивном управлении Бурят-Монгольской Республики. Материалы, опубликованные в журнале «Бурятияведение», были проанализированы В. П. Гирченко и каждый документ был сопровожден им краткой аннотацией, содержащей ранее не упоминавшиеся моменты из родового управления в конце XVIII и начале XIX в. Это сведения о распространении хлебопашества среди бурят, некоторые моменты из обязательств родоначальников в качестве управителей, о механизме разделения родов как админист-

ративно-территориальных единиц, о методах мотивации родоначальников, а также об их посреднической роли в торговле [Гирченко, 1926а. С. 10–13]. Эти заметки положили начало источниковой базе в исследованиях по изучению истории общественно-экономических формаций в Бурятии и раскрыли ряд моментов в деятельности органов управления. По прошествии года Владимир Петрович представил первый специализированный сборник архивных материалов по истории Бурятии, который охватил помимо XVIII в. и первую половину XIX в., предоставив возможность углубиться во внутренние процессы жизни бурят [Гирченко, 1926б]. Были расширены направления хозяйства, управления и родового суда бурятского управления, а также стали доступны новые материалы по обычному праву и вопросам религии. Соотношение документов дает возможность взглянуть на органы управления как на живое социальное объединение, которое имело постоянные контакты как с другими родовыми управлениями, так и с царской администрацией. Кроме того, здесь же впервые вводится в научный оборот понятие «поколенного права», которое фигурирует в научных дискуссиях в качестве нормы обычного права, ставшего основанием для развития крупного землевладения бурятских феодалов в лице ноёнства [Там же. С. 28]. В заключение автор по каждому из документов оставил свои комментарии о механизме «административного нажима» [Там же. С. 37], о товарности хозяйств бурят [Там же. С. 34], о родовых пережитках в бурятском управлении и хозяйстве, о роли управления в социальной помощи соплеменникам [Там же. С. 36]. Здесь в отличие от первой публикации большинство документов затрагивали органы самоуправления бурят.

В 1926 г. была опубликована работа М. Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа». Публикация работы стала возможна благодаря Н. Н. Козьмину, соратнику и наставнику автора. Труд Богданова являлся первой попыткой полностью охватить историю бурят-монгольского народа, редактор охарактеризовал его как исследование, которое рассматривает народ «как историческую личность, субъект, действующий на исторической сцене» [Богданов, 1926. С. 9]. Н. Н. Козьмин считал работу для своего времени исключительной, она раскрывала историю малого народа, который, казалось бы, не имел собственной государственности, а значит и права на историю.

М. Н. Богданов писал о социальном строе бурят как патриархально-родовом и о его административном делении на племена, затем роды и родовые группировки, а также об отсутствии у бурят «резкого территориального деления» [Там же. С. 69]. Также автор подчеркивает, что «во главе стояли князьки» походившие на монгольских и, вероятно, бравшие с них пример, однако без «геральдических преимуще-

ществ» [Богданов, 1926. С. 70]. Продолжая эту мысль, Михаил Николаевич увидел между монгольскими феодалами и китайскими императорами связь, в которой последние легитимировали власть первых. Эти отношения автор экстраполировал на связи бурятских тайшей с монгольскими феодалами, где последние одаривали первых знаками отличия. Затем автор описывает процесс распада семьи родоначальника на отдельные рода, из чего образовался прецедент для отделения рода и даже аймака [Богданов, 1926. С. 140].

Достаточно интересны размышления М. Н. Богданова по поводу «концентрации» родовых общин, каждая из которых имела шуленгу. Так, при объединении в «одну родовую общину или федерацию... подчинялись одному главному шуленге» [Богданов, 1926. С. 142]. Автор подчеркивает, что «на основе патриархальной семьи покоилось все общественное устройство, с общинно-родовым судом стариков — отцов семейств и общинно-родовым управлением» [Там же. С. 144]. В этих рассуждениях М. Н. Богданов рассматривает прообраз родового управления, которое станет основой Степных дум, о чем он прямо говорит при разборе функциональной стороны достоинств «зайсана, шуленги, тайши» в связи с административными понятиями «поколение», «тамбин, колбон, хотон» [Там же. С. 147]. По мнению автора, тайши выступали как сила, которая обеспечивала «своим владениям большую «самостоятельность и независимость от администрации» [Там же. С. 149]. Кроме того, статус тайшей раскрывается в комментариях о богатстве тайшей, а также об их участии в распределении поборов и сборе с обильным приращением для уплаты поборов от лица своего рода. Исследование в большинстве выводов опирается на опыт предшественников, а также на этнографические данные.

При рассмотрении вопроса революционных событий 1905 г. в Бурятии исследователь С. Фридман подтвердил уже установленную законом 1822 г. оценку регламентации существующих у бурят порядков социальной жизни. Далее ученый оценил разделение «инородческого» населения на три разряда и нашел правильным более внимательное рассмотрение кочевых «инородцев» [Фридман, 1925. С. 117]. Затем С. Фридман привел подробные сведения о компетенциях органов управления. В частности, интересны рассуждения автора о расширении власти Степных дум, что в конечном счете привело к поглощению компетенций Инородных управ [Там же. С. 118]. Причину этого С. Фридман видел в инициативности как самой Думы в свободном толковании своих компетенций, так и в статьях Устава, которые сделали возможным такое «свободное толкование».

В 1927 г. В. П. Гирченко, изучив архивные материалы Кудинской Степной думы, указал на наличие

у бурят слоя бедняков, которые были вынуждены отправиться «на сторонние промыслы и заработки» [Гирченко, 1927. С. 77]. То есть речь идет о классовом противоборстве внутри бурятского общества, а также о феодальном или капиталистическом характере этого противоборства.

В большой работе С. В. Бахрушина «Ясак в Сибири XVII в.» отмечена преемственность в управленческой традиции инородцев при обложении ясаком [Бахрушин, 1927. С. 4]. Рассмотрена фигура так называемого «есаула», который находился при «князьях», однако подчинялся непосредственно воеводе и следил за исправным сбором ясака. Кроме того, ученый обнаружил ряд важных закономерностей: систематическое сокращение привилегий инородческой знати в интересах царизма [Бахрушин, 1927. С. 8]; тенденции ясачного сбора к усложнению и усовершенствованию [Там же. С. 33–34]. Так, Бахрушин рассмотрел инородческое управление мимоходом. Однако в 1929 г. он прямо говорит об органах самоуправления, учрежденных в соответствии с уставом 1822 г. [Бахрушин, 1929].

С. В. Бахрушин находит Устав попыткой правильно подойти к устройству жизни аборигенного населения и констатирует правильность позиции М. М. Сперанского о невозможности на момент реформы управления распространить русские правовые нормы на коренное население [Там же. С. 86]. Из акта закрепления существующих норм устав преобразуется в акт систематизации национального управления как во внутренних процедурах, так и во внешних сношениях. Автор считает, что не был реализован единственный пункт устава, главная его цель — привести инородцев в состояние «природного русского подданного». Этот провал С. В. Бахрушин связывает с отсутствием знаний о местных условиях и быте отдельных народностей Сибири, а также с пагубностью полицейского контроля [Там же. С. 88]. Эти причины отталкивали бурят от перехода в оседлое состояние. Однако главной причиной нереализованности положений устава С. В. Бахрушин видит колонизаторскую политику правительства и неминуемое пришествие капиталистических отношений, которые должны были всколыхнуть устоявшийся уклад жизни [Там же. С. 89]. Благодаря обширности научного кругозора С. В. Бахрушин смог обнаружить схожесть процессов среди инородцев Западной Сибири, Якутского управления, событий в Семиречье, что позволило исследователю прийти к выводу об отказе правительства уже в XVIII в. покровительствовать туземному землевладению [Там же. С. 94].

В 1928 г. В. П. Гирченко представил полностью оформившийся марксистский взгляд на процессы жизнедеятельности бурятского общества и в частности органов бурятского самоуправления. Автор обнаружил начало экономического расслоения у бурят-монгол на основе скотоводческого хозяйства, а так-

же социального неравенства, которое было закреплено в 30-х гг. XVIII в. после закрепления звания тайши [Гирченко, 1928. С. 2]. Линия повествования в статье была выстроена вокруг истории тайшинских династий, в ней автор поддержал мнения Б. Барадина и М. Н. Богданова о составе самоуправления до генерал-губернаторства М. М. Сперанского на примере Хоринской Степной думы [Там же. С. 4–5], развил тему о роли административного нажима в сношениях между национальным управлением и царской администрацией [Там же. С. 8], поднял вопрос о ноённом землевладении и его негативном влиянии на хозяйство рядовых родовичей [Гирченко, 1928. С. 9], считая, что «деловая связь их (органов управления) с возглавляющим учреждением — Степной думой была слабой» [Гирченко, 1928. С. 16]. Это он объясняет аристократическим характером управления.

Намеченное направление В. П. Гирченко развил в серии статей, изданных в 1929 г. на страницах журнала «Жизнь Бурятии». В двух статьях он поставил перед собой сложную задачу проследить развитие социального расслоения в бурятском обществе на всем протяжении истории формирования бурят как нации в составе Российского государства. Начав со времен военной организации, автор открывает для себя социальную дифференциацию, основанную на роли и положении родовичей в военных действиях и на охоте [Гирченко, 1929а. С. 101]. На этом основании он дал достаточно подробное описание устройства управления, назвал причины переустройства управления и социального быта: увеличение народонаселения, перемещение родов, а также связанный с этим переход бурят к скотоводческому и отчасти земледельческому хозяйству. Новую форму организации В. П. Гирченко видел в двухполярном социальном устройстве бурят, общество должно было состоять из родовых начальников и «улусных людей», последние составляли основную массу населения и находились в экономической и политической зависимости от первой группы [Там же. С. 102]. Помимо этого именно Гирченко окончательно определил ламство как одну из групп эксплуататоров наравне с ноёнством [Там же. С. 103]. Рассмотрению юридического и экономического доминирования последних автор посвятил заключительную часть первой статьи. Во второй статье Гирченко рассмотрел устав 1822 г., охарактеризовав его как закон, обязанный своим появлением народному недовольству, которое было вызвано злоупотреблениями родоначальников [Гирченко, 1929б.]. Однако характер управления и социального быта, учрежденный уставом, Гирченко позиционировал как закрепивший «права и привилегии бурят-монгольской знати» [Там же. С. 61]. Помимо этого автор впервые в отечественной историографии четко обозначил присутствие в бурятском обществе классового разделения, выделив три социальные

группы [Там же. С. 63]. В третьей статье Гирченко качественно развил теоретические выкладки о развитии найма и прочих элементов товарно-денежных отношений. Также Гирченко рассмотрел политическую борьбу внутри бурятских элит за власть среди рядовых родовичей [Гирченко, 1929в.]. В заключение Владимир Петрович сделал вывод, что бурятская масса не имела возможности принимать реальное участие в управлении и была вынуждена лишь оплачивать наложенные на них поборы [Там же. С. 124].

Тема классовой борьбы в творчестве В. П. Гирченко соответствовала общему настроению советской науки. В опубликованном в 1928 г. обобщающем труде по истории землеустройства и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. под авторством М. М. Шульгина были представлены главные позиции официальной истории при рассмотрении отношений царского правительства и абригенных аристократических групп. Одна из них заключается в неправильном восприятии этносов, подпадающих под влияние русского государства, как полноценных наций. Профессор считает, что в реальности эти этносы составляли некую правящую верхушку, промежуточные группы и угнетенную массу [Шульгин, 1928. С. 98]. Данная классовость должна была стать базовой при рассмотрении истории. Другая мысль выражена в констатации Шульгиным неспособности современной науки адекватно и четко оценить реакцию той или иной прослойки на политику царского правительства [Там же. С. 99]. Однако профессор тут же позволил себе, с опорой на марксистскую методологию, предположить существование общности «экономических и социальных интересов» правящих групп абригенов с русскими чиновниками и помещиками, что дало автору возможность сделать вывод: «...национальный момент в колонизации осложнялся моментом классовым...» [Там же. С. 99].

Таким образом, историками Бурятии был выявлен и введен в научный оборот комплекс источников, давший ученым возможность выйти на новый уровень исследования. Параллельно этому исследователи центральной части советского государства представили работы, которые позволили научной общественности увидеть общую картину истории колониальной политики царизма на национальных окраинах. Тем самым была создана теоретическая база для изучения истории Бурятии, в том числе истории органов местного самоуправления у бурят и их хозяйственной деятельности.

В 1929 г. первый секретарь Бурят-Монгольского обкома М. Н. Ербанов выступил с докладом на объединённом пленуме ОК и ОКК ВКП (б), который оказал прямое влияние на ход исторических исследований. В частности, он подчеркнул: «Мы живем и работаем в обстановке сильнейшего контрастования антисоветских элементов — ламства, ноенат-

ства, кулачества и начетчиков в семейских районах» [Ербанов, 1929. С. 9]. В том же номере журнала «Жизнь Бурятии», была опубликована статья Ш. Ибрагимова «о проявлениях великорусского шовинизма и местного национализма в Бурят-Монголии», где под удар попали Б. Барадин и Г. Цыбиков. Первый в своих работах, по мнению Ибрагимова, отражает «мелкобуржуазные настроения кулачества и духовенства, прикрываясь национализмом, сеет семена недоверия к пролетариату и партии», а работы Г. Цыбикова «и вовсе не должны были допускаться к печати» [Ибрагимов, 1929. С. 17–18].

В 1933 г. к десятилетию Бурят-Монгольской Республики вышел сборник статей под редакцией М. А. Гудошников и А. И. Убугунэ. Так, в статье А. И. Убугунэ обозначена классовость бурят-монгольского общества ещё задолго до XIX в., подкрепленная четким функциональным определением ноёнства как группы, поставляющей «зайсанов, шуленг и засулов» [Гудошников и др., 1933. С. 6]. Серьезно была представлена идея о развитии в бурятском обществе феодального строя. По мнению автора, именно эта общественно-экономическая формация и составляющие ее отношения «определяли закономерности движения общества». Вопрос колониальной политики и роли самоуправления в этой политике автор представил в комментариях о бурятской знати, которая приспособилась к колониальной политике и присоединилась к эксплуатации массы трудящихся [Гудошников и др., 1933. С. 12]. Отсюда же Убугунэ приходит к мысли о связи торгового капитала с богатством ноёнства [Там же. С. 16]. Тем самым истоки буржуазии он обнаружил как в недрах самого общества, так и среди представителей ноёнства, которые освоились в торговле и ростовщичестве [Там же. С. 24]. Таким образом, Убугунэ представил линию развития классовых интересов ноёнства. В то же время он критиковал устав 1822 г. как первый акт, ознаменовавший «начало обрусительной политики», в заключение автор вынес вердикт что «самоуправления вовсе не было. Это была фикция» [Там же. С. 14].

Таким образом, вопрос административной и хозяйственной деятельности органов самоуправления бурят стал предметом специального изучения через учет опыта предшественников, ввод в научный оборот архивных материалов и разработку различных теоретических выкладок об эволюции общественно-экономического строя бурят. В результате формировались новые понятия, теории и концепции по определению роли, значения, состава и структуры органов самоуправления бурят в его административных и хозяйственных компетенциях.

15 мая 1934 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах». Это должно было ускорить работы по обобщению имеющегося материала. Именно так возникла необходимость сопоставить наработанные

теории и разрешить спорные вопросы с целью определить единый курс разработки истории Бурят-Монголии.

В июне 1934 г. было созвано научное совещание. Директор ГНИИ культуры БМАССР Р. Базарон предложил обсудить проблему соотношения общественно-экономических формаций и сформулировать видение революционных событий начала XX в. [Шестаков, Ломакин, 1935. С. 13–14]. В ходе дискуссии поднималась тема административной и хозяйственной деятельности органов местного самоуправления.

С обобщающим докладом «о спорных вопросах исторического процесса в Бурято-Монголии» выступил П. Т. Хаптаев. Он сообщил о происхождении ноёнства «на развалинах родового строя», а также представил Степные думы в качестве прямых наследников органов управления, предшествовавших уставу от 1822 г., при этом он подчеркнул недоступность властных структур для простого человека [Там же. С. 24–25]. Отсюда Хаптаев вывел, что ноёнство составляло «особое сословие, или господствующий класс» [Там же. С. 26], который использовал доступный ему ресурс администрации для проведения колониальной политики царизма, тем самым обеспечивая свое исключительное положение и право властвовать, подкрепляя его материальным богатством. Затем докладчик провел границу между ноёнством и кулачеством. Появление последнего Хаптаев связывает с развитием капиталистических отношений, которые привели ноёнство и кулачество к интеграции, первые расширили использование способов экономического принуждения, а вторые — внеэкономического [Там же. С. 40]. Эту мысль подтвердили Ф. А. Кудрявцев, связавший её с ростом поляризации бурятского общества [Там же. С. 83], а также М. Широковский, определивший этот процесс как трансформацию ноёнов в кулачество [Там же. С. 112]. Подобным образом мыслил О. Дашидондобэ, по мнению которого приспособившее общину под свои нужды феодальное ноёнство в конце XIX и начале XX в. стало использоваться кулачеством [Там же. С. 115]. Так, он пытался представить процесс включения буржуазии в работу органов бурятского самоуправления. В ликвидации в начале XX в. Степных дум Хаптаев видел только «сокрушительный удар» по ноёнству.

Н. Н. Козьмин привнес конструктивную критику по поводу неправомерного отождествления понятий «класс» и «сословие» [Там же. С. 53], а также неубедительного обоснования феодальных прав ноёна, а значит, ноёнства как привилегированной группы. В вопросе развития института наследственности в управлении инородцев Н. Н. Козьмин опроверг позицию П. Т. Хаптаева относительно укрепления этого института в результате реформы Сперанского, напротив, он считал устав 1822 г. актом расширения выборности в управлении инородцев [Там же. С. 58].

С позиции главенства патриархально-родовых отношений подошел О. Косоков, он также представил

вил родовое управление бурят защитниками трудящейся массы, а главными эксплуататорами объявил «богачей», т. е. кулачество [Шестаков, Ломакин, 1935. С. 100].

Б. Барадин представил коллегам определения понятий: «Зайсан, Шуленга, Засаул, Тайша и Ноён» [Там же. С. 119–120]. Помимо этого, докладчик поднял вопрос о необходимости расширить архивную работу с источниками на бурятском языке, напомнив, что к публикации готовятся бурятские летописи.

Деятельность органов самоуправления в тесной связи с колониальной политикой рассмотрел М. А. Гудошников. Сначала ученый привел свое понимание позиций Н. Н. Козьмина относительно бурятского самоуправления от 1727 г. как неудавшейся попытки самостоятельного устройства бурят [Там же. С. 124]. Затем докладчик обнаружил в уставе 1822 г. противоречие в положении бурят-монгольской знати, которую правительство поставило над всеми родовичами, но сам тайша оказался не больше «волостного старшины» [Там же. С. 125]. Тем самым автор заключил, что по своей сущности устав не имел ничего новаторского и даже был консервативным.

На последние годы существования органов самоуправления взглянул А. И. Убугунэ, назвав их феодально-родовыми институтами, которые не поспедали за развитием общественно-производственных отношений. А сам акт ликвидации Степных дум назвал сменой старых ноёнов-полуфеодалов и призывом к власти ноёнов-кулаков [Шестаков, Ломакин, 1935. С. 136]. Дальнейшие размышления докладчика были призваны показать доступность органов самоуправления для кулачества, притягательности для них административных возможностей этого положения. Доказательство своей правоты докладчик видит в борьбе партий при формировании состава органов самоуправления. Тем самым Убугунэ раскрыл новую сторону понятия «ноён», а для убедительности раскритиковал имеющиеся определения понятий «тайша», «зайсан» и «шуленга» [Там же. С. 150]. Схожие мысли разделял С. П. Костаев, он определил время трансформации ноёнства в 30–40-х гг. XIX в. и озвучил сложность определения общественно-экономических формаций в истории Бурятии в их переплетении [Там же. С. 161].

Однако трудно определить значение этой дискуссии, не рассмотрев статью В. П. Гирченко, которая не прозвучала на съезде, но была прикреплена к материалам дискуссии по инициативе редакции при издании материалов совещания. В ней автор рассмотрел позиции каждого из докладчиков, что в результате вылилось в некий обобщающий взгляд на развитие феодальных отношений в бурятском обществе на основании родовых традиций и в рамках, установленных и корректируемых царским правительством. Это привело Гирченко к определению периодизации, в которой уже сформировавшееся феодальное ноёнство с органами национального самоуправления

в качестве инструмента эксплуатации во второй половине XIX в. столкнулось с растущим влиянием кулачества и было вынуждено сблизиться, но все же не составило с ним единого целого. В подтверждение своей позиции автор описал механизм манипуляции на выборах должностных лиц, практиковавшийся кулачеством [Там же. С. 180].

Таким образом, в советской историографии за период с 1917 г. до середины 1930-х гг. сформировался примерный курс работы и разрешились острые противоречия по вопросу создания обобщающего труда по истории Бурятии. В ходе этой работы в историографии сформировался взгляд на тему «административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят». Этот взгляд можно обобщить в виде следующих положений:

1. Значительное освещение получили требования к должностным лицам органов самоуправления, началась разработка понятийного аппарата по каждому из должностных лиц от тайши до родового старосты, которых обобщенно представили в качестве доминирующего класса — ноёнства. Этот подход позволил исследователям сосредоточиться на особенностях, отличительных чертах данной группы как в материальном, так и в правовом смысле.

2. Административная и хозяйственная деятельность органов самоуправления рассматривалась учеными как один из инструментов проведения царской колониальной политики и эксплуатации трудящихся масс. В данном контексте научное сообщество выработало понятия об экономических и внеэкономических способах эксплуатации, которые практиковались должностными лицами.

3. Изучение истории органов самоуправления производилось на фоне теоретического осмысления хода общественно-экономических формаций в истории Бурятии. Именно органы самоуправления стали тем индикатором, на который ориентировались историки при определении главенства той или иной общественно-экономической формации. Это обусловлено сосредоточенностью ученых на изучении ноёнства, которое комплектовало органы самоуправления.

Собственно, сам историографический период стал временем столкновения традиций дореволюционной научной мысли с марксистской исторической концепцией, и все же в большей степени конкурировали между собой теоретические выкладки именно марксистских историков. Если носители дореволюционной традиции лишь в меньшей степени идеологизировали свои работы, то советские ученые с куда большим рвением развивали марксистскую историческую концепцию, приспособивая её к местным историко-культурным условиям. Разнообразие взглядов среди марксистских ученых объясняется объективными условиями: свободой при толковании источников, отсутствием обобщающего и общепринятого взгляда на историю Бурятии, присутствием в научных кругах плюрализма мнений. К концу перио-

да наметилась тенденция к обобщению взглядов вместе с отторжением мнений исследователей, противоречащих официальной науке.

Значительное продвижение было сделано в источниковедческом смысле. Особо выделяется деятельность В. П. Гирченко, который ввел в научный

оборот документы Инородных управ и Степных дум. Говоря о перспективах расширения комплекса источников, следует отметить точку зрения Б. Барадина, который подчеркнул важность проработки источников на старописьменном бурятском языке.

Использованная литература

Барадин, 1925: *Барадин Б.* Бурят-Монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // *Бурятияведение*. 1925. № 3–4. С. 39–53.

Baradin B. Buriat-Mongoly. Kratkii istoricheskii ocherk oformleniia buriat-mongol'skoi narodnosti // *Buriatievedenie*. 1925. № 3–4. S. 39–53.

Baradin B. Buriat-Mongols. A brief historical sketch of the formation of the Buryat-Mongol people // *Buriatievedenie*. 1925. No. 3–4. P. 39–53.

Бахрушин, 1927: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. 35 с.

Bakhrushin S. V. Iasak v Sibiri v XVII v. Novosibirsk: Sibkraizdat, 1927. 35 s.

Bakhrushin S. V. Yasak in Siberia in the 17th century. Novosibirsk: Sibkraizdat, 1927. 35 p.

Бахрушин, 1929: *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // *Советский Север*. 1929. № 1. С. 66–97.

Bakhrushin S. V. Sibirskie tuzemtsy pod russkoi vlast'iu do revoliutsii 1917 g. // *Sovetskii Sever*. 1929. № 1. S. 66–97.

Bakhrushin S. V. Siberian natives under Russian rule before the 1917 revolution // *Sovetskii Sever*. 1929. No. 1. P. 66–97.

Богданов, 1926: *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1926. 302 с.

Bogdanov M. N. Ocherki istorii buriat-mongol'skogo naroda. Verkhneudinsk: Buriat-Mongol'skoe izd-vo, 1926. 302 s.

Bogdanov M. N. Sketches on the History of the Buryat-Mongol people. Verkhneudinsk: Buriat-Mongol'skoe Izd-vo, 1926. 302 p.

Гирченко, 1926а: *Гирченко В. П.* Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине 18-го и в начале 19-го века // *Бурятияведение*. 1926. № 2. С. 7–14.

Girchenko V. P. Materialy po istorii khoziaistva i rodovogo upravleniia dobakail'skikh buriat vo vtoroi polovine 18-go i v nachale 19-go veka // *Buriatievedenie*. 1926. № 2. S. 7–14.

Girchenko V. P. Materials on the history of the economy and tribal administration of the pre-bakayl Buryats in the second half of the 18th and early 19th centuries // *Buriatievedenie*. 1926. No. 2. P. 7–14.

Гирченко, 1926б: *Гирченко В. П.* Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Верхнеудинск: Изд. Центрального Архивного управления БМАССР, 1926. 42 с.

Girchenko V. P. Sbornik materialov po istorii Buriatii XVIII-go i pervoi poloviny XIX veka. Verkhneudinsk: Izd. Tsentral'nogo Arkhivnogo upravleniia BMASSR, 1926. 42 s.

Girchenko V. P. Collection of materials on the history of Buryatia in the 18th and first half of the 19th century. Verkh-

neudinsk: Izd. Tsentral'nogo Arkhivnogo upravleniia BMASSR, 1926. 42 p.

Гирченко, 1927: *Гирченко В. П.* Хозяйство Кудинских бурят // *Жизнь Бурятии*. 1927. № 1–3. С. 73–77.

Girchenko V. P. Khoziaistvo Kudinskikh buriat // *Zhizn' Buriatii*. 1927. № 1–3. S. 73–77.

Girchenko V. P. The economy of the Kudinsky Buryats // *Zhizn' Buriatii*. 1927. No. 1–3. P. 73–77.

Гирченко, 1928: *Гирченко В. П.* К истории бурят-монголов хоринцев первой половины XIX века. Верхнеудинск: Бурят-Монгольский Ученый комитет и Бурят-Монгольское научное общество им. Доржи Банзарова, 1928. 22 с.

Girchenko V. P. K istorii buriat-mongolov khorintsev pervoi poloviny XIX veka. Verkhneudinsk: Buriat-Mongol'skii uchenyi komitet i Buriat-Mongol'skoe nauchnoe obshchestvo im. Dorzhi Banzarova, 1928. 22 s.

Girchenko V. P. On the history of the Khorin Buryat-Mongols of the first half of the 19th century. Verkhneudinsk: Buriat-Mongol'skii uchenyi komitet i Buriat-Mongol'skoe nauchnoe obshchestvo im. Dorzhi Banzarova, 1928. 22 p.

Гирченко, 1929а: *Гирченко В. П.* Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVI–XIX вв. (исторический очерк) // *Жизнь Бурятии*. 1929. № 2. С. 100–108.

Girchenko V. P. Sotsial'noe rassloenie sredi buriat-mongolov v XVI–XVII vv. (istoricheskii ocherk) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. № 2. S. 100–108.

Girchenko V. P. Social stratification among the Buryat Mongols in the 16th–19th centuries (historical sketch) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. No. 2. P. 100–108.

Гирченко, 1929б: *Гирченко В. П.* Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII–XIX вв. (окончание) // *Жизнь Бурятии*. 1929. № 3–4. С. 60–65.

Girchenko V. P. Sotsial'noe rassloenie sredi buriat-mongolov v XVII–XVIII vv. (okonchanie) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. № 3–4. S. 60–65.

Girchenko V. P. Social stratification among the Buryat Mongols in the 17th–19th centuries (ending) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. No. 3–4. P. 60–65.

Гирченко, 1929в: *Гирченко В. П.* Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия (исторический очерк) // *Жизнь Бурятии*. 1929. № 1. С. 119–124.

Girchenko V. P. Khorinskie «proisshestviia» 1848–49 gg. i pravoslavnaiia missiia (istoricheskii ocherk) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. № 1. S. 119–124.

Girchenko V. P. Khorin “incidents” 1848–49 and the Orthodox mission (historical sketch) // *Zhizn' Buriatii*. 1929. No. 1. P. 119–124.

Гудошников и др., 1933: *Гудошников М. А., Убугунэ А. И.* От царской колонии до советской республики. Гос. Ин-т культ. Бурят-Монгольской АССР. Москва; Иркутск: тип. ОГИЗА треста «Полиграфкнига», 1933. 94 с.

Gudoshnikov M. A., Ubugune A. I. Ot tsarskoi kolonii do sovetsskoi respubliki. Gos. In-t kul't. Buriat-Mongol'skoi ASSR. Moskva; Irkutsk: tip. OGIZA tresta «Poligrafkniga», 1933. 94 s.

Gudoshnikov M. A., Ubugune A. I. From the Tsarist colony to the Soviet Republic. Gos. In-t kul't. Buriat-Mongol'skoi ASSR. Moskva; Irkutsk: tip. OGIZA tresta «Poligrafkniga», 1933. 94 p.

Ербанов, 1929: *Ербанов М. Н.* Решения ЦК ВКП (б) и задачи Бурят-монгольской парторганизации // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 3–14.

Erbanov M. N. Resheniia TsK VKP (b) i zadachi Buriat-mongol'skoi partorganizatsii // Zhizn' Buriatii. 1929. № 5. S. 3–14.

Erbanov M. N. Decisions of the Central Committee of the CPSU and the tasks of the Buryat-Mongolian party organization // Zhizn' Buriatii. 1929. No. 5. P. 3–14.

Ибрагимов, 1929: *Ибрагимов Ш.* О проявлениях великорусского шовинизма и местного национализма в Бурят-Монголии // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 15–21.

Ibragimov Sh. O proiavlenniakh velikorusskogo shovinizma i mestnogo natsionalizma v Buriat-Mongolii // Zhizn' Buriatii. 1929. № 5. S. 15–21.

Ibragimov Sh. On manifestations of Great Russian chauvinism and local nationalism in Buryat-Mongolia // Zhizn' Buriatii. 1929. No. 5. P. 15–21.

Козьмин, 1924: *Козьмин Н. Н.* Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. Верхнеудинск: Государственная плановая комиссия БМАССР, 1924. 33 с.

Koz'min N. N. Buriatiia v geograficheskom i khoziaistvennom otnošenii. Verkhneudinsk: Gosudarstvennaia planovaia komissiia BMASSR, 1924. 33 s.

Koz'min N. N. Buryatia geographically and economically. Verkhneudinsk: Gosudarstvennaia planovaia komissiia BMASSR, 1924. 33 p.

Рязановский, 1921: *Рязановский В. А.* Обычное право монгольских племен. Обычное право бурят. Чита: Управ-

ление Бурят-Монгольской Автономной области, 1921. Ч. 2. 120 с.

Riazanovskii V. A. Obychnoe pravo mongol'skikh plemen. Obychnoe pravo buriat. Chita: Upravlenie Buriat-Mongol'skoi Avtonomnoi oblasti, 1921. Ch. 2. 120 s.

Riazanovskii V. A. Customary law of the Mongol tribes. Customary law of the Buryats. Chita: Upravlenie Buriat-Mongol'skoi Avtonomnoi oblasti, 1921. Ch. 2. 120 p.

Фридман, 1925: *Фридман С.* Революция 1905 г. и буряты // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 117–126.

Fridman S. Revoliutsiia 1905 g. i buriaty // Zhizn' Buriatii. 1925. № 9–12. S. 117–126.

Fridman S. The 1905 Revolution and the Buryats // Zhizn' Buriatii. 1925. No. 9–12. P. 117–126.

Шестаков, Ломакин, 1935: *Шестаков А. В., Ломакин А. И.* К истории Бурято-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. Комкадемия — Институт истории. Государственный научно-исследовательский институт культуры БМАССР. Москва; Ленинград: Соцэргиз, 1935. 184 с.

Shestakov A. V., Lomakin A. I. K istorii Buriato-Mongolii. Materialy diskussii, sostoiavsheisia v iune 1934 g. v Ulan-Ude. Komakademiiia — Institut istorii. Gosudarstvennyi nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury BMASSR. Moskva; Leningrad: Sotsekgiz, 1935. 184 s.

Shestakov A. V., Lomakin A. I. On the history of Buryat-Mongolia. Materials of the discussion held in June 1934 in Ulan-Ude. Komakademiiia — Institut istorii. Gosudarstvennyi nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury BMASSR. Moskva; Leningrad: Sotsekgiz, 1935. 184 p.

Шульгин, 1928: *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М.: Московский Межевой институт, типография кооператива «Наука и просвещение», 1928. 210 с.

Shul'gin M. M. Zemleustroistvo i pereseleniia v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX vv. M.: Moskovskii Mezhevoi institut, tipografiia kooperativa «Nauka i prosveshchenie», 1928. 210 s.

Shul'gin M. M. Land management and resettlement in Russia in the 18th and first half of the 19th centuries. M.: Moskovskii Mezhevoi institut, tipografiia kooperativa «Nauka i prosveshchenie», 1928. 210 p.

Shirap Ts. Tsydene

Administrative and economic activities of local self-government bodies of the Buryats in Soviet historiography (1920s–1930s)

The article deals with the works of Soviet historians, which were published in the first period of Soviet historiography from the 1920s to the late 1930s on the topic: Administrative and economic activities of self-government bodies of Buryats. The purpose of the article is to determine the specifics of the formation of the topic within the period. The article sets the following tasks: to characterize the source base of research; to determine the role of the topic in the development of historical science in the history of Buryatia, to determine the specifics of the historiographical period. Conclusions. As a result of the analysis of the research, a qualitative advance in source study was noticed, historians of Buryatia introduced a set of documents from the funds of the Steppe Dumas into scientific circulation, a course was determined for further work with documents in the old Buryat script, and, in general, a direction was outlined for deepening knowledge about internal processes among the Buryats. as well as their own view of their past. The topic has become the subject of a special study of historians, in the context of the approval of the Marxist historical concept in the history of Buryatia. This ensured the attention of scientists to the structure and activities of self-government bodies. The personnel was designed as the ruling class — noyonstvo, and activities based on administrative and economic competencies as exploitative.

These views on local self-government bodies were formed in conditions of freedom in the interpretation of sources, the absence of a generalizing and generally accepted view of the history of Buryatia, and the presence of pluralism of opinions in academic community. Which provided a variety of studies. By the end of the period, there was a tendency to generalize views on the history of Buryatia, along with the rejection of opinions that contradict official science.

Key words: self-government, noyonstvo, social stratification, the feudal system, exploitation.

Shirap Ts. Tsydene — postgraduate student, junior researcher, Center of Oriental manuscripts and xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Sahyanovoy 6, Ulan-Ude, 6700476, Russia).
tsydens@outlook.com